

2200

с(Кар)
с12

ИЛМАРИ СААРИНЕН

**ЛИСТЯ
ПАМЯТИ**

Сортавальская МЦБС"

000331

Сортавальская городская библиотека
г. Сортавала

С(10ар)
С12

ИЛМАРИ СААРИНЕН

ЛИСТЬЯ ПАМЯТИ

СТИХИ

Сортавальской

районной библиотеке

С уважением

Илмари Сааринен

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАРЕЛИЯ“
ПЕТРОЗАВОДСК 1969

5 февраля, 1970г.

90185/22

Сортавальская
МЦБС

Илмари Сааринен родился в Финляндии, в семье плотника. В 1932 году приехал в СССР. Окончив Карельский учительский институт, работал учителем в Карелии, а во время войны — в Татарской АССР. Первые стихи опубликованы в 1950 году. В 1961 году в Петрозаводске вышел сборник его стихов «Крылатые строители», в 1966 го-

Перевод с финского О. МИШИНА

Опять листва лопочет о прошедшем,
желтея и красея у оград.
И ветры осени о том, что помню, шепчут,
о том, что позабыто мной, молчат.

Вот первый лист. Я помню годы ранние,
как будто песни жалобной мотив.
Они прошли и заморозком ранили,
ростки надежды инеем сгубив.

Листок второй. И над землею красная
зажглась она, октябрьская заря.
Листою новой по весне украшена,
ты зацвела, карельская земля.

Еще листок... Союз серпа и молота
крепя, мы шли из сел и городов,
чтоб строить мир без нищеты и голода,
свет добывать для будущих веков.

Простой народ из Вешкелиц, из Видлиц,
от Кимасозера до Кивача,
ковали Сампо мы, чтоб все увидели
в домах карельских лампы Ильича.

О как вас много, листьев моей памяти,
как книгу жизни я читаю вас.
С приходом осени вы усыпаете
мою тропу все гуще всякий раз.

чтоб навсегда
— и когда будет это —
когда вы станете своей судьбой.
И силой тьмы —
пусть онц все здесь! —
на путь другой
Земли не повернут.
И, может, скоро встретит нас в музее
планетария последний свет.

И М. С. И.

Я не скрываю своего волнения.
Такие есть места и имена.
Читаю надпись: «Здесь работал Ленин».
Душа благоговения полна.
Стою. Молчу. Здесь каждый камень веско
вошёл навек в историю страны.
Отсюда уходил народ советский
в огонь гражданской, яростной войны.
О том страницы выцветших блокнотов
свидетельствуют на его столе.
Здесь Ленин начал трудную работу,
что длится и сегодня на земле.
...В людской поток встаю у Мавзолея
и слышу, как сердца друзей стучат,
то бьется в нас все громче, все сильнее
большое сердце Ильича.

Прелестный народ на Вешерегах, на Визаице,
из Египта до Киликии,
повалил Сомно на, чтоб все увидели
в домах царских амбу Иллича.

О как нас много, летящих воям памяти,
как Крону истреил я честою нас.
С крахомом осиял ты умышляете
нам кроуу все гуню великой раа.

В МУЗЕЕ

Вхожу под своды мраморные эти,
где саркофаги древние стоят
и прячут мумии былых столетий,
царей останки жалкие хранят.

Вы, фараоны, только пыль.
Не вами
воздвигнуты громады пирамид.
А стон рабов под вашими кнутами
до этих дней история хранит.
Заморский гость, прибывший к нам
туристом,

ты уловил духовное родство
вот с этой мумией? Но время близко:
пришел конец господства твоего.
Уже давно с лица моей планеты
плантаторов сметают прочь рабы,

чтоб навсегда

и всюду будет это! —
хозяевами стать своей судьбы.

И силы тьмы

пускай они все злее! —
на путь другой

Земли не повернут.
И, может, скоро встретим мы в музее
плантатора последний кнут.

МОЙ ДЕД

Итоги подводить пора пришла.
Весь хлеб у деда в трех мешках
залатанных.

А поп сказал:

— Всевышнему хвала.

Как ты богат! Какая рожь богатая!
Да и мешки вместительны вполне,—
добавил поп с улыбкою медовою.
А дед:

Они трудом достались мне.
Их не сравнить с поповскими бездонными.

Мой дед мотыжил, камни корчевал,
канавы рыл, усталости не ведал.
И господину долю отдавал,
всю жизнь батрачил дед на мироеда.
Не помогали ни закон, ни бог:
Нужда была нередким гостем в доме.
Лишь в собственные руки верить мог
простой народ моей страны

Суоми.

КУРНАЯ ИЗБА

Под горою избушка курная,
пережившая время свое.
О минувшем напоминают
закопченные стены ее.
Есть преданье: и в этой сторонке
Петр однажды устроил ночлег.
Для вельмож неказиста избенка.
Ну а гость был простой человек.

Солнце летнее за гору село.
Шел крестьянин в лаптях вдоль межи.
Мимо встречная тройка летела:
Царь!

И шапку срывает мужик.
Только кони, как вкопаны, встали.
Петр поднялся, могуч и усат.
Путь лежал в олонцекие дала
и терялся в дремучих лесах.
Царь к себе мужика подзывает.
— Где найти здесь ночлег, старина?

А мужик на карету взирает:
Есть курная избушка одна.
Не побрезгуешь коль — приглашаю.
Царь смеется:

Ну что же. Ей-ей,
для ночлега избушка курная
в самый раз нам! Веди поживей.

Гость глядит по-хозяйски на стены,
и на стол, и на лавки вдоль стен.
Говорит он:

Отменно, отменно!
Не осият ни время, ни тлен.
Покажи-ка топор мне, которым
ты хоромину эту срубил.

Нет его... Я мужик бестопорный.
У соседа на срок одолжил.
Подивился России хозяин
и прилег на лежанку вздремнуть,
чтобы поутру, чуть рассветает,
вновь пуститься со свитой в путь.
Только царский топор здесь оставил.
И топор тот в мужицких руках
эту Русь деревянную ставил,
чтоб легенды звенели в веках.

ГОРЫ ПААСО

Словно крепость, Сортавалу-город
окружают цепи синих гор.
Сердобольцы здесь в былые годы
дали войску шведскому отпор.

Было так. Блеснула ночь пожаром,
пламенем занялся небосвод.
В этом крае никогда, пожалуй,
не видал подобного народ.

На холмах зажглись огней сигналы.
Людам смысл их издавна знаком;
носят воду, поливают скалы
и спокойно ветречи ждут с врагом.

Вот уже грохочут барабаны.
Марширует войско короля.
Шведы от воинственности пьяны.
«Что нам горы?» рвутся в бой, горя.

Горы смотрят грозно на пришельцев,
молча ожидают до поры.
Вот уже полезли чужеземцы
вверх по склонам ледяной горы.

Только видно, хитрость никакая
не поможет. Не пройти вперед:
падают на них стволы и камни,
под ногами — только голый лед.

Наверху, отчаянны и смелы,
неприступны, как вершины гор,
вместе вепсы, русские, карелы
наглому врагу дают отпор.

Камни лишь да бревна их оружие.
Жажда победить в сердцах живет.
Ничего другого и не нужно,
если за отчизну бой идет.

На пути в Хелюлю видишь справа
горы Паасо, скал отвесных строй.
Стали горы монументом славы,
памятником храбрости былой.

КАНАЛ ДРУЖБЫ

Среди скал и лесов карельских,
среди финских лесов и скал,
между странами смело и дерзко
проложили мы дружбы канал.

Вот он тянется ровно и строго,
отражая в воде облака.
Уступают и скалы дорогу,
коль протянута дружбы рука.

Наше крепкое братство скрепляя,
ты сверкай и работай, канал.
Пой о мире от края до края,
чтобы каждый ту песню признал.

МОСТ

Мост стальной, как будто луг тугой,
подо мной вибрирует, колеблется.
Там белеет парус над водой
или крылья сказочного лебеда.
Если тихо
в зеркале воды
мост громадный точно отражается.
Если шторм
над пропастью беды
чей-то путь
без риска продолжается.
Мост стальной спасибо заслужил.
Чуть звенит махалища стальная,
держится и не жалеет сил,
крепко берега соединяя.
Вижу я, как, достигая звезд,
перекинутый над океаном,
континенты связывает мост,
дружбою соединяя страны.

РАКОВИНА

Бьют буруны, скалы обволакивая,
хлещет ветер по лицу, суров.
Я держу в руках пустую раковину,
полную неясных голосов.

Видно, все, что раковина слышала,
сберегла она в своих витках,
чтоб ее услышал кто-то в нынешнем
или даже в будущих веках.

ИКАР

Из железа, из камня, из кремня
на орбите тоски и мечты
пролетаешь легендой древней.
О бессмертный Икар, это ты!

Ты хотел бы от жгучего солнца
возвратиться на землю скорей.
Астероид твой мимо несется
неизменной орбитой своей.

С этой трассы сойти невозможно.
Ты летишь, словно факел горя,
к отдаленным туманностям
звездным
мимо лучшей планеты Земля.

Знать, во мне от тебя эта давняя
неземная по звездам тоска.
Я хочу покорить мироздание,
чтоб орбиту твою отыскать.

90185722

НА БЕРЕГУ СЮЯРИ

О Сюяри¹, слышишь!
К тебе я иду.
Здесь фронт пролегал
в том суровом году.

Как будто граница
смерти самой
вот здесь пролегла,
извиваясь змеей.

Сверкала луна
на штыках у бойцов.
Краснела волна...
Солдатская кровь!

О Сюяри, кто же
на помощь придет?

¹ Сюяри Свирь. (Прим. перевод).

Сквозь грохот бомбежки
двигался плот.

И смерти навстречу
солдаты гребли.
В смертельную сечу
по тине брели.

В огне поднимались
на берег другой
и смело бросались
с гранатами в бой.

Подмостных позиций
теперь не видать.
Какая-то птица
пропела опять.

Серебряным звоном
тростник прозвенел,
и ветер по склонам
сирени задел,—

и в воздухе чистом
весенний, живой
их запах душистый
поплыл над землей.

Ты плещешь волнами,
прозрачна до дна.
Но память, но память!
Осталась она.

Дощатые звезды
на тихих холмах
напомнят о грозных
далеких боях.

И сосны без веток,
в рубцах пулевых
сегодня об этом
кричат для живых.

Победа добыта
какою ценой?
И кто здесь убитый
лежит под землей?

По зову, по слову
ребята встают,
все на смерть готовы,
в атаку идут.

О Сюяри, слышишь?
под каждой звездой
геройски погибший
солдат молодой.

О Сюяри, пой
о ребятах своих,
о славе героической
для нас, для живых.

НОВЫЙ ДОМ

И новый дом уже поднялся рядом.
Сияет окнами подобьем стрóf.
Сегодня убираются с фасада
леса строительные. Дом готов.

Последние рабочие уходят,
Ни маляров, ни штукатуров нет.
По коридорам только ветер бродит,
а в окнах солнечный играет свет.

Еще не слышно голосов веселых,
еще звонки дверные не поют.
Но скоро я увижу новоселов,
которых так подъезды эти ждут.

Цветы качнутся в кузовах у дома.
Борта захлопают и там, и здесь.
Многоэтажный дом по-молодому
счастливым гулом огласится весь.

ГЕОЛОГ

Тебя слепит и манит блеск воды
озер лесных,
свеченье сосен медных,
когда проходишь в поисках руды,
упрятанной в земных глубоких недрах.

Они сверкают, словно минерал,—
земли суровой светлые озера.
Твой путь лежит среди угрюмых скал,
где гулу водопада эхо вторит.

Шумит, тебя приветствуя, сосняк.
В твоей палатке вдруг светлее стало:
лег на ладонь тяжелый железняк
наградою за поиск неустанный.

Ты видишь день, когда и этот край
поднимет к небесам лесов стропила:
Страна моя, подарок получай!
Твое лицо улыбка осветила.

Тысячелетия лежавший здесь,
кусок руды в твою ладонь уперся.
Он тверд, как будто в нем крупца есть
твоего железного упорства.

ТЕОЛОГ
ИЛИ ДУХОВНИК

22

не случившая бы была оставлена.
Конец и в моду первой окупилась —
сладко тут же обступил дивный
И как будто бы обронила вода
свои брызги плывут без задержки.
И вот в востоке, в западных,
в восставшей дилетте, в цинковой,
в работе ремеслен, ни редкой,
это граница в сажи и желтобелой.

ЛЕБЕДИ

Щедро сеет весна луговые цветы.
А на озере тихом
у берега,
как высокие, гордые чьи-то мечты
снова кружатся лебеди белые.

Лебединая песнь о бессмертии всегда.
Через муки, утраты, лишения
путь проложен.
И снова купает вода
белоснежные отражения.

НА СПЛАВЕ

Сердце полнится чувств половодьем,
опьяняющей радостью мая,
и река, словно конь без поводьев,
рвется вдаль, берега заливая.
Я люблю грохотанье взлохмаченных
падунов, от кипения белых,
эту пору сплавную горячую,
ремесло этих сплавщиков смелых.
Я стою над гранитною кручею
и смотрю, как зарницы сверкают,
на краю водопада, под тучею
свою новую песню слагаю.
Новый день из раскатов рождается,
рыжий отблеск на кипении пляшет.
Солнце красное ввысь поднимается,
и в багор упирается сплавщик.
Вот он гонит бревно краснобокое,
вот залом разбирает ловко.
Занят сплавщик одною заботою

не случилась бы лишь остановка.
Здесь и в воду порой окунешься —
солнце тут же обсушит одежду.
И как будто бы сброшена ноша,
если бревно плывут без задержки.
Я пою о восходе, о ландышах,
о весенней листве, о цветении,
о работе нелегкой, но радостной,
что граничит с самим вдохновением.

ЛАДОГА

На твоём берегу я подолгу могу
наблюдать, как в просторе бескрайнем
плещут, Ладога, волны твои на бегу,
на ветру бесшабашном играя.

Всей душой юго-западный ветер люблю,
буйство волн белопенных и звонких.
Но и ясной погоды приметы ловлю:
свет зари над родною стороной.

Уплывают в вечернюю синь корабли,
тихо-тихо от края до края.
И багровое солнце садится вдали,
рыбакам свой привет посылая.

Пусть недолго бывает спокойной вода,—
утром волн поднимаются глыбы,—
но пока на волне отдыхает звезда,
трюмы полнятся свежеей рыбой.

Возвращаясь, дымят на борту рыбаки.
Лишь порой перекинутся словом.
Им мигают родных берегов маяки.
Их в порту ожидают с уловом.

Запах донника с берега густо плывет.
Запах рыбы однако сильнее.
Поднимаясь из сказочных ладожских вод,
Сортавала, как лебедь, белеет.

В порт родной сейнера полным ходом
идут.

Слышу крики проснувшихся чаек.
А над Ладогой синей сирени цветут,
словно тоже кого-то встречают.

ХЕЛЮЛЯ

Имя это странное Хелюля!—
может быть, от звона вешних льдов?
От листвы, лепечущей в июле?
От летящих мимо поездов?

Извиваясь, узкая речонка
делит строго надвое село,
старенький завод дымит в сторонке,
словно курит трубку тяжело.

Режут доску пилы, и опилки
так и сыплются, пускаясь в пляс.
Звон пилы и взвихренной, и пылкой
лучшая мелодия для нас.

Прозвени нам песнь свою, Хелюля,
и пропой нам свой мотив, река.
Гляньте, как березу мы согнули,
как она упруга и звонка.

Ладят лыжи девушки и парни,
Смотрят, чтоб была одна к другой.
Вот и мы, усталые, попарно
с песней возвращаемся домой.

НА ТАЕЖНОЙ ТРОПЕ

Тихий и суровый край лесной,
прохожу твоей тенистой чащей.
Ламбушки сияют синевой,
из-за сосен светятся маянце.

Подсажи, задумчивый сосняк,
укажи тропинку покороче:
где найду приют себе и как
отыщу товарищей хороших?

Посмотри туда: на берегу
человек мальков пускает в воду.
Добрый дать совет тебе могу:
поживи в палатке рыбоведа.
А направо молодой лесок
в дом войди за низенькой оградой.
Наступает лесосплава срок
побывай со сплавщиками рядом.

Дым ухи рыбацкой так хорош —
у костра поговорить нехудо.
И куда ты, путник, ни пойдешь,
Знай, друзей найдешь себе повсюду.

ПИСЬМО ЛЕСОРУБА

Спрашивает в письмах друг мой юный:
какова карельская земля?

Может, солнца нет там и в июне?

Целый год лишь скучная зима.

Отвечаю так ему: в безделье
я прожить не смог бы даже дня,

а в работе и зимой метельной
время мчится быстро для меня.

Край карельский

чащи и озера,

падуны и скалы там и тут.

С сопок мне видны земли просторы.

Вид такой захватывает дух.

Эти сопки, и леса, и тропы

никогда б не смог оставить я.

Даже эти зыбуны и топи

это все Карелия моя.

И она не мрачная пустыня.

Лес тут валят. Строят города.

Тянут вдаль высоковольтных линий
звонкие, как струны, провода.

Если б даже в шутку молвил кто-то:

«Лесоруба труд тебе к чему?

Можно легче подыскать работу!» —

я тогда ответил бы ему:

«Видишь эти руки? Они грубы,
жилисты и крепки, как металл.

Как и подобает лесорубу,

ими бревна с малых лет катал.

Мне работа не нужна другая.

Ни за что ее я не отдам...

Ты спросил, погода здесь какая.

В самый раз. Суди об этом сам.

Здесь стоят такие жары летом,

как в карельской бане на полкѣ.

Да работа жаркая при этом

вот и юг на севере в тайге.

Солнца, как на юге, тут хватает.

А загар, наверно, бронзовей.

Комары да оводы кусают,

только с ними даже веселей.

В жизнь вступаешь ты, товарищ юный.

Любит смелых северный мой край.

До конца судьбу свою обдумай

и сюда работать приезжай.

Ни морозы, ни туман болотный

не сумеют нас остановить.

Чем трудней работа, тем почетней.

Только так, мой друг, и надо жить.

Сперва зари краснеет лишь полоска
да чуть темнеют волны на бегу.
Потом, огнем охвачена, березка
заполыхает вдруг на берегу.

Ночные ветры, слабые как будто,
то пламя разжигают все сильней.
Костер заката, облако окутав,
уже пылает над землею всей.

Когда вот так зоря краснеет грозно,
пожар войны мне видится во мгле.
И сердце бьется в этот час тревожно:
у нас одна отчизна на земле.

ВЕЧЕРНИЙ ГОРН

За лесами догорает зорька.
Тихо-тихо. Даже ветер сник.
Далеко на берегу озерном
чистый звук из тишины возник.

Над лесами, над речной излучкой,
словно ясный голос зазвучал.
Мне давно знакомы эти звуки
горна пионерского сигнал.

Горн зовет, зовет, не уставая,
в нем я слышу жизни торжество.
Горы и леса родного края
чутко вторят музыке его.

Вслушиваясь в чистый голос горна,
в это эхо из былых годов,
забываю собственные годы
и шепчу опять:

— Всегда готов!

Пахнет рожь,
и озаряют небо
звездапады,
урожай суля:
будут золотые горы хлеба —
потрудились люди
и земля.

КОРОСТЕЛЬ

Ночной туман ползет, хлеба качая.
Певец полей, нескладен и незрим,
поет в ночи, той песни не кончая
до утреннего солнца, до зари.

Тяжелыми колосьями укрытый,
своих птенцов выводит коростель
и славит поле этой песней-криком,
благодарит за крышу и постель.

НИВА

Прохожу болотом журавлиным...
Мы за клюквой бегали сюда,
тут зияла жадная трясины,
поджидала путника беда.

А теперь от края и до края
плещется, шумит хлебов прибой.
У межи стою и вспоминаю,
как с болотом начинали бой.

Это поле нелегко далось нам...
Наливаясь золотым зерном,
к Козерогу тянутся колосья
в августовском сумраке ночном.

ОСЕНЬ

Хлебная осень уже наступила:
нива притихшая загрузила,
птицы в чужие края улетели
и ольшаники опустели.
Летней жаре и былому цветению
холод на смену приходит осенний.
Лед по утрам в колеях ты находишь,
заиндевелой тропинкой проходишь.
Что же? Осеннее время лишь старость,
листьев шуршанье, природы усталость?
Нет. Для земли это — новое диво
жизни, что солнечна и красива,
пурпур рябины и пахара радость,
солнца осеннего поздняя яркость,
рощи осинової жаркое

пламя,
рощи березовой яркое
платье.

И в урожае и в листьях
осины
осень с весной слились
воедино.

Родные берега вдали
надолго оставляя,
на свой извечный курсе легли
осенних уток стаи.

Косым углом они летят
в осеннем небе чистом.
Из-под руки на них глядят
на пашне трактористы.

И кто-то тихо говорит,
следа за их полетом:
«Как жалко, время не велит...
Опять ушла охота».

А я, признаться, просто рад
подобной задаче.
Пускай своим путем летят.
Желаю им удачи.

ОСЕННЕЕ УТРО

Слышу я сквозь сон гуденье ровное.
Взгляд бросаю на часы настенные.
Ладога сегодня посуровела.
Катит и швыряет волны пенные.

Спал сегодня крепко я и сладко.
Но проснулся все же в пору раннюю.
На пугину приглашает Ладога.
Я спешу как будто на свидание.

Если тучи, если ветер крепнет,
выгребаю в озеро открытое,
где белеют волн седые гребни,
где найду сегодня место рыбное.

Мои думы озеро угадывает
и хороший мне улов готовит.
Дуют ветры свежие над Ладогой:
Значит, выходить на тоню стоит.

ПРОЩАНИЕ С ПТИЦАМИ

Покраснела брусника на склонах.
Осень ткёт из тумана холеты.
И рдеют леса неуклонно,
и поля и темны, и пусты.

Слышит ухо печальную песню,
ловит стаю мой пристальный взгляд:
вековой дорогой небесной
утки дикие к югу летят.

Пред такой красотой робея,
опускаю я свой дробовик:

К южным пальмам летите скорее.
Вам не жить средь полей снеговых.

Льдом затянутся реки, озера.
Закружит над землею метель.
Только знаю: вы вспомните скоро
милый север и месяц апрель.

БЕРЕЗА

Когда вокруг от снега все бело
и под сугробом клюква спит на кочке,
хранит береза летнее тепло
и ждет, когда опять набухнут почки.

Ей никакие вьюги не страшны.
Лишь корни у нее еще прочнее.
Обласканная солнышком весны,
становится красивей и стройнее.

Вновь каждый лист и свеж, и легкокрыл.
Глядится в воду и сама немеет.
Не в ней ли север щедро воплотил
все лучшее, что он в себе имеет!

ЗИМА

В январе зима на переломе.
Время повернуло на весну.
Но когда мороз трещит ядреный,
даже ветер прячется в лесу.

Хоть зима идет уже на убыль,
не поймешь никак ее затей.
Выхожу во двор — целует в губы,
пробирает тут же до костей.

Обжигая, проверяет стужей
и отпустит, лишь когда поймет,
что народа северного душу
никакая стужа не проймет.

У КАМИНА

Сумрачного вечера создание
в комнату мою вползает мрак.
Погружен в свои воспоминанья,
я гляжу на гаснущий очаг.

Я гляжу на блекнущее тленье.
Лишь под пеплом горсточка тепла.
Неужели все лишь сновиденье?
И былая нежность умерла.

В чаде головешек заплуталась,
с дымом унеслась во мрак ночной.
Нет, — сказала ты, — любовь осталась.
только стала чуточкой иной.

ЛЕД

Снова крепкими льдами
затянуло заливы.
Побелило снегами
приозерные ивы.

Только снег у обочин.
Только иней морозный.
Мне в метельные ночи
снятся новые весны.

Дуют ласково с юга
ветры теплые снова.
Волны плещут упруго
в скалы мыса родного.

Выхожу я на берег.
Лед сверкает, искрится,
как на северном небе
млечный путь серебряный.

Как сполохи, пылает
многоцветно и колко.
Только гордое пламя
не греет нисколько.

Иногда я мечтаю,
по торосам ступая,
чтоб в глазах твоих гордых
лед суровый растаял.

Густеют тени в снежном переулке.
Звенит ведро, ударившись о сруб.
В углах домов мороз стреляет гулко,
и вьется дым из деревенских труб.

Садится солнце рано за домами.
Мороз сильнее жмет со всех сторон.
Но слышишь ты, как пахнет пирогами?
О хлебный дух!

Покренче стужи он.

СВЕТ В ОКНЕ

Вечер сумрачный. Тайга.
Я иду на лыжах.
Свет блеснул издалека.
Он все ближе, ближе.

Два окошка в стороне
рядом за сугробом
знай подмигивают мне,
приглашают оба.

Лишь калитку отвори.
Стукни в дверь устало.
Встретят в доме как свои,
вмиг чаек поставят.

За беседою в тепле
гостю будут рады.
Только некогда тебе,
торопиться надо.

И хотя продолжен путь,
те огни я помню.
Словно не устал ничуть.
Радостно, легко мне.

По уклону все быстрее
Сами мчатся лыжи.
Долго памятью своей
свет желанный вижу.

ДРУГУ

На полях зима еще белеет,
под сугробом прячет борозду.
Под сугробом озимь коченеет.
Всходы снят, тепла под снегом ждут.

Но в логах весна шумит бурливо,
голубеют небеса вдали.
Если очень хочешь быть счастливым,
сам кого-то счастьем одари.

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Весь город отдан юности.
Сирени вновь цветут.
По многолюдной улице
влюбленные идут.

Идут в людском потоке,
улыбками слепя,
в отраженных окон
видят лишь себя.

Звонит легко и весело
двоих счастливый смех.
Ах, мне бы в ритме песенном
нести его для всех.

А мне по сердцу старые размеры —
хорей, ямбы, дружный их напор.
Они поют, звенят и в наше время
и для стихов годятся до сих пор.

И вы смелей берите их, поэты.
Они эпохе дерзостной под стать.
Громовый гул космической ракеты
и звон дождя в них можно передать.

Под силу им и волшебство апреля
и стук влюбленных молодых сердец.
Пусть для кого-то ямбы устарели,
пусть думают, что им уже конец.

Вы Пушкину и правдою и верой
всегда служили, жгли сердца людей.
Я верю в вас, бессмертные размеры.
Мне и сегодня по душе хорей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Листья памяти	3
«Я не скрываю своего волнения...»	5
В музее	6
Мой дед	8
Курная изба	9
Горы Паасо	11
Канал дружбы	13
Мост	14
Раковина	15
Икар	16
На берегу Сювяри	17
Новый дом	20
Геолог	21
Лебеди	23
На сплаве	24
Ладога	26
Хелюля	28

На таежной тропе	30
Письмо лесоруба	32
«Июньский вечер медленно подкрался...»	34
Стриж	35
«Сперва зари краснеет лишь полоска...»	36
Вечерний горн	37
«Пахнет рожь...»	38
Коростель	39
Нива	40
Осень	41
«Родные берега вдали...»	42
Осеннее утро	43
Прощание с птицами	44
Береза	45
Зима	46
У камина	47
Лед	48
«Густеют тени в снежном переулке...»	50
Свет в окне	51
Другу	53
Влюбленные	54
«А мне по сердцу старые размеры...»	55
Прирку	57

00185722

Сааринен Илмари Иванович

ЛИСТЬЯ ПАМЯТИ

СТИХИ

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *В. И. Чернецова*

Художники *Г. С., С. И. Щербаковы*

Художественный редактор *Р. С. Киселева*

Технический редактор *К. М. Подбельская*

Корректор *Л. П. Лихачева*

Сдано в набор 3/IX 1969 г. Подписано к печати 14/XI
1969 г. Е—02974. Бумага 60×84^{1/2}₃₂, 1,88 печ. л.,
1,74 усл. печ. л., 1,29 уч.-изд. л. Изд. № 169.

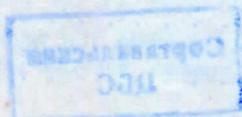
Заказ 4392. Тираж 5000. Цена 17 коп.

Издательство „Карелия“.

Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1.

Типография им. Анохина Управления по печати
при Совете Министров Карельской АССР.

Петрозаводск, ул. „Правды“, 4

ду — сборник «Красные косынки» (оба на финском языке). В 1965 году издательство «Советский писатель» выпустило сборник стихов на русском языке «Моя Карелия».

Илмари Сааринен является членом Союза писателей.

Цена 17 коп.